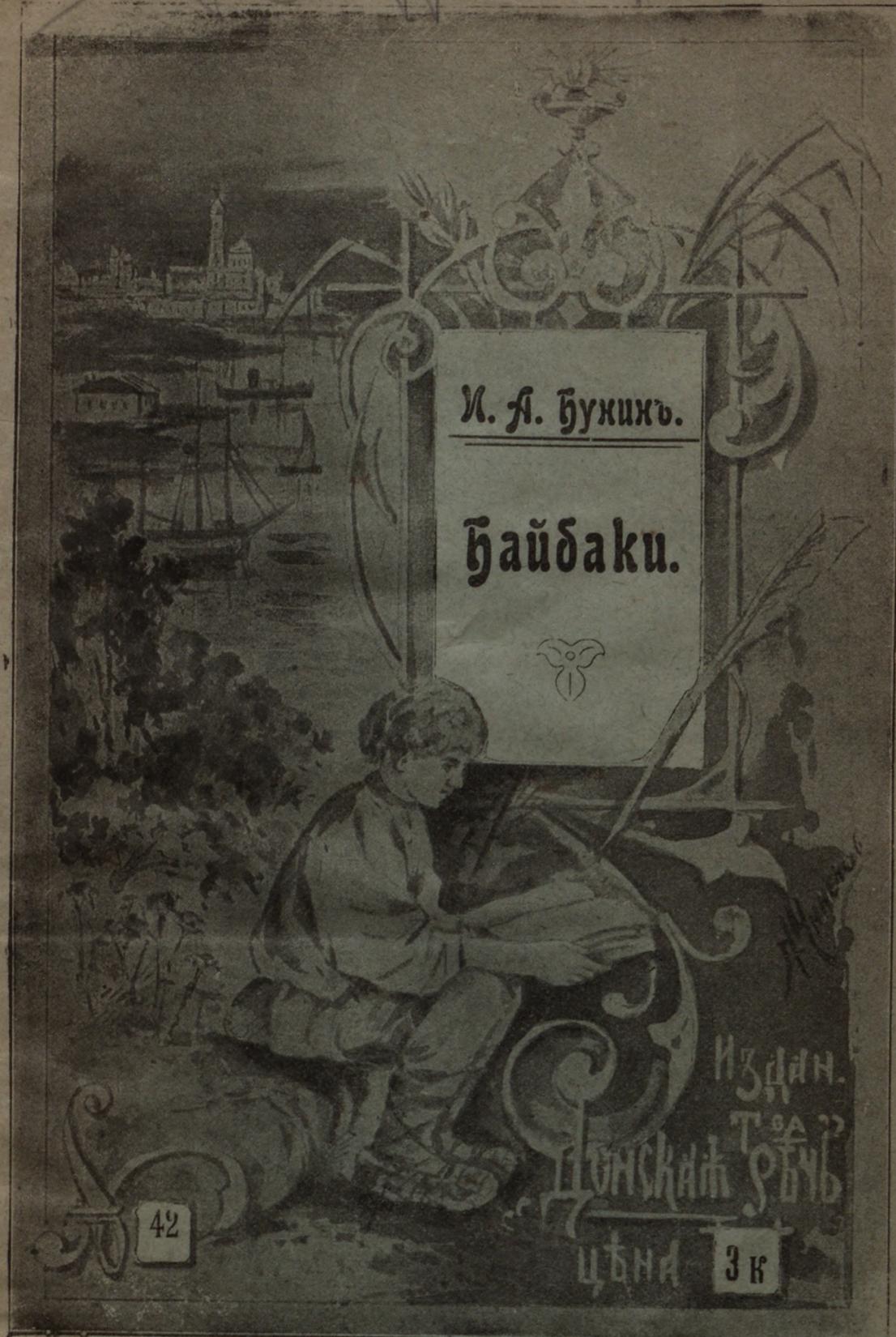

~~1882~~ W 468/118

М. А. Бухичъ.

Хайбаки.

Издан.
Т. 2
ДОНСКАЯ СЪВЪ
цѣна 3 к

42

Изданія Т-ва „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону:

1. В. Г. Короленко—Пріемышъ (съ картинками) 2 к.	23. В. Г. Короленко—Ночью [съ рис. Е. Вемъ] 5 к.
2. В. І. Дмитріева—Майна-вира (съ картинками) 3 к.	24. Н. И. Тимовскій—Среди людей 5 к.
3. Е. Н. Чириковъ—Маленькій грѣшникъ 1 к.	25. С. Ф. Русова—Біографія Гарибальди [съ портр.] 4 к.
4. Л. Н. Андреевъ—Баргамотъ и Гараська (съ картинк.) 1 1/2 к.	26. С. Т. Семеновъ—Отчего Парашка не выучилась грамотѣ 3 к.
5. А. И. Свирскій—Захромала 1 к.	27. Н. Н. Златовратскій—Мечтатели 4 к.
6. Крадѣвская—Для души 2 к.	28. А. Куприѣвъ—Ночная смѣна 3 к.
7. Е. Н. Чириковъ—Свинья 2 к.	29. Э. Ожешко—Гедали 3 к.
8. С. К. Баранцевичъ—Намельничѣ 3 к.	30. С. Юшкевичъ—Хаймка и Іоська 2 к.
9. А. И. Свирскій—Забракованный 2 к.	31. В. Вересаевъ—Въ пути 1 к.
10. С. К. Баранцевичъ—На посту 3 к.	32. И. Франко—Самъ виноватъ 1 1/2 к.
11. В. І. Дмитріева—Ее всѣ знаютъ 2 к.	33. И. Алексѣевъ—Изъ-за хлѣба засушнаго, «Лишній» . . . 1 1/2 к.
12. К. М. Станюковичъ—За «Щупленькаго» 2 к.	34. А. Серафимовичъ—Стрѣлочникъ 3 к.
13. И. И. Митропольскій—Вода 2 к.	35. В. Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ 2 к.
14. С. К. Баранцевичъ—Местъ (съ картинками) 3 к.	36. И. И. Митропольскій—Стсрочка 1 к.
15. Л. Мельшиѣвъ—Искорка 3 к.	37. А. Яблоновскій—Удружилъ 1 к.
16. Л. Мельшиѣвъ—Чортовъ яръ 4 к.	38. И. Франко—Хорошій зароботокъ 1 к.
17. Л. Н. Андреевъ—Гостинецъ 2 к.	39. А. Крадѣвская—На работу 2 к.
18. Л. Н. Андреевъ—Петька на дачѣ 2 к.	40. Остой—Поденщикъ 2 к.
19. В. І. Дмитріева—Мама на войнѣ 3 к.	41. Некрасовъ и Никитинъ—Избранныя стихотворенія . 4 к.
20. Л. Н. Андреевъ—Въ Сабуровѣ 2 к.	42. И. А. Бунинъ—Байбаки 3 к.
21. И. П. Вѣлоконскій—Стреховка 2 к.	43. А. И. Петровскій—Не дался 1 к.
22. П. А. Иванова—Мой день . . . 2 к.	44. В. І. Дмитріева—Бѣлыя крылья 2 к.
	45. А. Серафимовичъ—Въ бурю 3 к.

Готовятся къ печати:

Ожешко—Франекъ и Марциса и др. Станюковичъ—Эмигрантъ и др. Короленко—Соколинецъ и др. Франко—Нефтянщикъ, На днѣ. Куприѣвъ—Болото, Молохъ. Вѣлоконскій—Деревня печальная. Митропольскій—Нельзя, На плотяхъ. Дмитріева—Темный лѣсъ. Вересаевъ—«Повѣтріе» и др.

~~122~~
~~282~~

11788

W 968
118

Байбаки.

И. А. Бунина.

Изданіе Т-ва „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ н-Д.

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва „Донская Рѣчь“.
1903.

Дов. цензурою 27 октября 1903 года. Ростовъ на Дону.

Байбаки.

Разсказъ И. Я. Букина.

I.

Темнѣть, и къ ночи поднимается вьюга...

Завтра Рождество, большой веселый праздникъ, и отъ этого еще грустнѣе кажутся непогожія сумерки, безконечная глухая дорога и пустынное поле, утопающее во мглѣ поземки. Небо все ниже нависаетъ надъ нимъ; слабо брезжитъ синевато-свинцовый свѣтъ угасающаго дня, и въ туманной дали уже начинаютъ появляться тѣ блѣдныя, неувловимые огоньки, которые всегда мелькаютъ предъ напряженными глазами путника въ зимнія степныя ночи...

Кромѣ этихъ зловѣщихъ, таинственныхъ огоньковъ, уже въ полуверстѣ ничего не видно впереди. Хорошо еще, что морозно, и вѣтеръ легко сдуваетъ съ дороги жесткій снѣгъ. Но за то онъ бьетъ имъ въ лицо, засыпаетъ съ шипѣньемъ придорожныя дубовыя вѣшки, отрываетъ и уноситъ въ дыму поземки ихъ почернѣвшіе, сухіе листья, и, глядя на нихъ, чувствуешь себя затеряннымъ гдѣ-то въ пустынѣ, среди вѣчныхъ сѣверныхъ сумерекъ...

Въ полѣ, далеко отъ большихъ проѣзжихъ путей,

далеко отъ большихъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ, стоитъ хуторъ. Даже деревушка, которая когда-то была возлѣ самага хутора, уже лѣтъ тридцать гнѣздится верстахъ въ пяти отъ него, такъ что ее не видно изъ хуторской усадьбы. Хуторъ этотъ господа Баскаковы много лѣтъ тому назадъ наименовали Лучезаровкой, а деревушку—Лучезаровскими Двориками.

«Лучезаровка»! Какой ироніей звучитъ теперь это названіе! Шумитъ, какъ море, вѣтеръ вокругъ нее, и на дворѣ по высокимъ бѣлымъ сугробамъ, какъ по могильнымъ холмамъ, исподтишка курится поземка. Эти сугробы окружены далеко другъ отъ друга разбросанными постройками: маленькимъ господскимъ флигелемъ, «каретнымъ» сараемъ и «людской» избой. Всѣ постройки на старинный ладъ—низкія и длинныя. Флигель обитъ тесомъ; передній фасадъ его глядитъ во дворъ только тремя маленькими окнами; крыльца—съ навѣсами на столбахъ; большая соломенная крыша почернѣла отъ времени. Была такая-же и на людской избѣ, но теперь остался только скелетъ этой крыши, и узкая кирпичная труба возвышается надъ нимъ, какъ длинная шея...

И кажется, что усадьба вымерла: никакихъ признаковъ человѣческаго жилья, кромѣ начатаго омета соломы возлѣ сарая, ни одного слѣда на дворѣ, ни одного звука людской рѣчи! Все забито снѣгомъ, все спитъ безжизненнымъ сномъ подъ смутный напѣвъ степного вѣтра. Угрюмо чернѣютъ среди зимнихъ полей безмолвныя постройки. Волки бродятъ по ночамъ около дома, приходятъ изъ луговъ по саду къ самому балкону.

Когда-то... Впрочемъ, кто не знаетъ, что было когда-то въ Лучезаровкахъ, и какъ превратились помѣщичьи гнѣзда въ «тырла»? Превратилась въ «тырло» и Баскаковская Лучезаровка, и вотъ при ней числится уже всего-навсего двадцать восемь десятинъ распахной и четыре десятины усадебной земли. Бывшій владѣлецъ Лучезаровки, племянникъ Якова Петровича Баскакова, хозяйствовалъ сперва

на трехстахъ десятинахъ. Когда-же изъ нихъ осталось только двадцать восемь, онъ продалъ Лучезаровку Якову Петровичу, а самъ переселился въ городъ. Ему тридцать пять лѣтъ, и онъ еще надѣется что будетъ счастливѣе въ городѣ, чѣмъ среди родныхъ полей.

Въ городъ давно переселилась и семья Якова Петровича. Глафира Яковлевна замужемъ за землемѣромъ, и почти круглый годъ живетъ у нее и Софья Павловна. Но Яковъ Петровичъ—старый степнякъ. Онъ на своемъ вѣку прогулялъ нѣсколько имѣній, но съ остатками отъ нихъ не пожелалъ переселяться въ городъ и кончать тамъ «последнюю треть жизни», какъ онъ выражался о человѣческой старости. Онъ остался въ Лучезаровкѣ. При немъ живетъ его бывшая крѣпостная, говорливая и крѣпкая старуха Лукерья; она няньчила всѣхъ дѣтей Якова Петровича и навсегда осталась при баскаковскомъ домѣ. Но, кромѣ нее, Яковъ Петровичъ держитъ работника, замѣняющаго кухарку: кухарки не живутъ въ Лучезаровкѣ больше двухъ-трехъ недѣль.

— Тотъ-то у него будетъ жить!—говорятъ онѣ.— Тамъ отъ одной тоски сердце изноеть!

Поэтому-то и замѣняетъ ихъ Судакъ, мужикъ изъ Лучезаровскихъ Двориковъ. Онъ человѣкъ лѣнивый и неуживчивый, но на Лучезаровскомъ хуторѣ ужился. Возитъ воду съ пруда, топить печи, варить «хлѣбово», мѣситъ рѣзку бѣлому мерину и курить по вечерамъ съ бариномъ махорку—въ этомъ заключались всѣ обязанности Мотьки, котораго на деревнѣ звали за его безцвѣтные глаза «Судакомъ».

Землю Яковъ Петровичъ почти всю сдавалъ мужикамъ, домашнее хозяйство его было чрезвычайно несложно, и поэтому тихо было въ Лучезаровкѣ! Прежде, когда въ усадьбѣ стояли амбары, скотный дворъ и рига, усадьба еще походила на человѣческое жилье. Но на что нужны амбары, риги и скотные дворы при двадцати восьми десятинахъ, заложенныхъ въ банкъ за 2.060 рублей? Благогра-

зумнѣ было ихъ продать и хотѣ нѣкоторое время пожить на нихъ веселѣе, чѣмъ обыкновенно. И Яковъ Петровичъ продалъ сперва ригу, потомъ амбары, а когда употребилъ на топку весь верхъ со скотнаго двора, продалъ и каменные стѣны его. И неуютно стало въ Лучезаровкѣ! Жутко было-бы среди этого разореннаго гнѣзда даже Якову Петровичу, такъ какъ отъ голода и отъ холода Лукерья имѣла обыкновеніе почти на всѣ большіе зимніе праздники уѣзжать на село къ племяннику сапожнику, но къ зимѣ Якова Петровича выручалъ его другой, болѣе вѣрный другъ.

— Селямъ алекюмъ!—раздавался старческій веселый голосъ въ какой-нибудь хмурый осенній день въ «дѣвичьей» Лучезаровскаго флигеля.

Какъ оживлялся при этомъ, знакомомъ съ самой крымской кампаніи, татарскомъ привѣтствіи Яковъ Петровичъ! У порога дѣвичьей почтительно стоялъ и, улыбаясь, раскланивался съ нимъ маленький, сѣдой человѣкъ, уже разбитый, хилый, но всегда веселый, какъ всѣ бывшіе дворовые люди. Это прежній деньшикъ и старинный другъ Якова Петровича, Гервасій Тимофеевичъ Ковалевъ. Сорокъ лѣтъ прошло со времени крымской кампаніи, но каждый годъ онъ является передъ Яковымъ Петровичемъ и привѣтствуетъ его тѣми словами, которыя напоминаютъ имъ обоимъ Крымъ, охоты на фазановъ, ночевки въ татарскихъ сакляхъ...

— Алекюмъ селямъ!—весело восклицалъ и Яковъ Петровичъ.—Живъ?

— Да вѣдь Севастопольскій герой-то!—отвѣчалъ Ковалевъ.

Яковъ Петровичъ съ улыбкой осматривалъ его: все такой-же! Даже одежда та-же: тулупъ, крытый солдатскимъ сукномъ, старенькая поддевичка, въ которой Ковалевъ казался сѣденькимъ мальчикомъ, поярковые валенки, которыми онъ такъ любилъ похвалиться, потому что они поярковые...

— Какъ васъ Богъ милуетъ?—продолжалъ онъ.

Яковъ Петровичъ осматривалъ и себя. И онъ все такой-же: плотная фигура, сѣдая, стриженная голова, сѣдые усы, добродушное, безпечное лицо съ маленькими глазами и «польскимъ» бритымъ подбородкомъ, эспаньолка...

— Байбакъ!—говорилъ онъ, наконецъ, про себя.— Ну, раздѣвайся, раздѣвайся! Гдѣ пропадалъ? Удиль, огородничаль?

Ковалевъ съ тѣхъ поръ, какъ Яковъ Петровичъ окончательно обѣднѣлъ, ходитъ къ нему только на зиму. Лѣтомъ онъ огородничаетъ, занимается рыбной ловлей, gostитъ у богатыхъ помѣщиковъ, которые еще охотятся...

— Удиль, Яковъ Петровичъ,—отвѣчалъ онъ, снимая тулупъ.—Тамъ посуды половой водой унесло нынѣшній годъ—и не приведи Господи!

— Значитъ, опять въ блиндажахъ сидѣлъ?

— Въ блиндажахъ, въ блиндажахъ...

А табакъ есть?

— Есть немного.

— Ну, садись, да давай завертывать.

— Какъ Софья Павловна?

— Въ городѣ. Я былъ у ней недавно, да удралъ скоро. Тутъ скука смертная, а тамъ еще хуже. Да и зятекъ мой любезный... Ты знаешь, какой человѣкъ... Ужаснѣйшій холопъ и интересанъ! Куски считаетъ...

— Изъ хама не сдѣлаешь пана,—соглашался Ковалевъ.

— Не сдѣлаешь, братъ... Ну, да чортъ съ нимъ!..

— Какъ ваша охота?

— Да все пороху, дрови нѣту. На-дняхъ разжился, пошелъ, пришибъ одного косолабога... Громадный русачина!

— Ихъ нынѣшній годъ страсть!

— Про то и толкъ-то. Завтра чѣмъ свѣтъ зальемся.

— Обязательно.

— Я тебѣ, ей-Богу, отъ всей души радъ!

Ковалевъ весело усмѣхался.

— А шашки цѣлы?—спрашивалъ онъ, свернувъ цыгарку и подавая Якову Петровичу.

— Цѣлы, цѣлы. Вотъ давай обѣдать и срѣжемся!..

II.

Темнѣетъ. Наступаетъ предпраздничный вечеръ, но невесело встрѣчаетъ его Яковъ Петровичъ!

По мѣрѣ того, какъ на дворѣ разыгрывается метель, и все больше заноситъ снѣгомъ окошко, все холоднѣе и сумрачнѣе становится въ «дѣвичьей» Баскаковского флигеля. Это старинная комнатка съ низкимъ потолкомъ, съ бревенчатыми, черными отъ времени стѣнами и почти пустая: подъ окномъ длинная лавка, около лавки простой деревянный столъ, противъ стола, у стѣны, комодъ, въ верхнемъ ящикѣ котораго стоятъ тарелки. Дѣвичьей по справедливости она называлась уже давнымъ-давно, лѣтъ сорокъ—пятьдесятъ тому назадъ, когда тутъ еще сидѣли и плели при свѣтѣ «каганца» кружева дворовыя дѣвки. Теперь «дѣвичья» превратилась въ одну изъ жилыхъ комнатъ самого Якова Петровича. Весь флигель состоитъ изъ пяти небольшихъ комнатъ: одна половина, окнами на дворъ—изъ «дѣвичьей», «лакейской» и кабинета среди нихъ; другая, окнами въ вишневый садъ—изъ гостиной и зала. Но зимой лакейская, гостиная и залъ не топятся, и тамъ пусто и такъ холодно, что въ залѣ насквозь промерзаетъ и ломберный столъ и портретъ Николая I.

Теперь, въ этотъ непогожій предпраздничный вечеръ, въ «дѣвичьей» особенно неуютно и скучно. Яковъ Петровичъ сидитъ на лавкѣ, поглаживаетъ подбородокъ и курить. Ковалевъ стоитъ у печки и, склонивъ голову, тоже курить. Оба въ шапкахъ, валенкахъ и шубахъ; баранье пальто Якова Петровича надѣто прямо на бѣлье и подпоясано полотенцемъ. Смутно виднѣнъ въ сумракѣ тихо

плавающий по комнатѣ синеватый дымокъ махорки. Слышно, какъ дребезжатъ отъ вѣтра разбитыя стекла въ окнахъ гостиной. Метель бушуетъ кругомъ флигеля и часто прерываетъ разговоръ его обитателей: все кажется, что кто-то подѣхалъ.

— Пстой!—вдругъ останавливаетъ Ковалева Яковъ Петровичъ.—Должно быть, это онъ.

Ковалевъ смолкаетъ. И ему почудился скрипъ саней у крыльца, чей-то голосъ, невнятно донесшійся сквозь шумъ метели.

— Поди-ка, посмотри,—должно быть, приѣхалъ!

Но Ковалеву вовсе не хочется выбѣгать на морозъ, хотя и онъ съ большимъ нетерпѣниемъ ожидаетъ возвращенія Судака изъ села съ покупками. Онъ прислушивается очень внимательно и рѣшительно возражаетъ:

— Нѣтъ, это вѣтеръ.

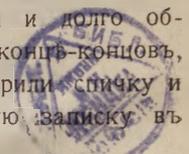
— Да что тебѣ, трудно посмотреть-то?

— Да что-жъ смотреть, когда никого нѣту?

Яковъ Петровичъ вздергиваетъ плечами; онъ начинаетъ раздражаться...

Такъ было все хорошо складывалось... Приѣзжалъ богатый мужикъ изъ Калиновки съ просьбой написать прошеніе къ земскому начальнику (Яковъ Петровичъ славится въ околоткѣ, какъ сочинитель прошеній) и привезъ за это курицу, бутылку водки и рубль денегъ... Правда, водка была выпита при самомъ сочиненіи и чтеніи прошенія, курица въ тотъ же день зарѣзана и съѣдена, но рубль остался цѣлъ,—Яковъ Петровичъ поберегъ его къ празднику... Потомъ вчера утромъ внезапно явился Ковалевъ и принесъ съ собой кренделей, полтора десятка яицъ, да еще 63 копѣйки денегъ. И старики были веселы и долго обсуждали, что купить къ празднику. Въ концѣ-концовъ, развели въ чашкѣ сажи изъ печки, заострили спичку и жирными крупными буквами написали такую записку въ село къ лавочнику:

«Въ харчевню Николая Иванова. Отпусти 1 ф. ма-

хорки полуотборной, 1.000 спичекъ, 5 сельдей маринованныхъ, 2 ф. масла коноплянаго, 2 осьмушки фруктоваго чаю, 1 ф. сахару и 1¹/₂ ф. жамокъ мятныхъ».

Но Судака нѣтъ съ самаго утра. А это влечетъ за собой то, что предпраздничный вечеръ пройдетъ вовсе не такъ, какъ думалось, и, главное, придется самимъ итти за соломой въ ометъ: отъ вчерашняго дня соломы осталось въ сѣнцахъ очень немного. И Яковъ Петровичъ раздражается, и все начинаетъ рисоваться ему въ мрачныхъ краскахъ.

Мысли и воспоминанія идутъ въ голову самая невестья... Вотъ ужъ около полугода онъ не видалъ ни племянника, ни жены, ни дочери... Помогаютъ они ему очень плохо... Подло съ нимъ, вообще, поступаютъ... И жить на хуторѣ становится съ каждымъ днемъ все хуже и скучнѣе...

— А, да чортъ ихъ побери совсѣмъ!—говоритъ Яковъ Петровичъ свою любимую фразу, которой онъ всегда успокаивалъ себя въ плохихъ обстоятельствахъ.

Но сегодня это не успокаиваетъ...

— Ну, и холода же завернули!—говоритъ Ковалевъ.

— Ужаснѣйшій холодъ!—подхватываетъ Яковъ Петровичъ.—Вѣдь тутъ хоть волковъ морозы! Смотри... Хх! Паръ отъ дыханія видно!

— Да,—продолжаетъ Ковалевъ монотонно.—А вѣдь, помните, мы подъ новый годъ когда-то цвѣточки рвали въ однихъ мундирчикахъ! Подъ Балаклавой-то...

И опускаетъ голову.

— А онъ, видимое дѣло, не пріѣдетъ—говоритъ Яковъ Петровичъ, не слушая.—Мы въ дурацкой ажитаци, ни больше, ни меньше!

— Не ночевать же онъ останется въ харчевнѣ!

— А ты что думаешь? Ему очень нужно!

— Положимъ, здорово мететь...

— Ничего тамъ не мететь. Обыкновенно, не лѣто...

— Да вѣдь трусь государственный! Замерзнуть боится...

— Да какъ же это замерзнуть? День, дорога знако-

мая... Только вѣдь эти хамы на-зло готовы нашему брату всегда нагадить!

— Пойдите!—перебиваетъ Ковалевъ.—Кажется, подѣхаль...

— Я говорю тебѣ, выйди, посмотри! Ты, ей Богу, совсѣмъ отетеревѣлъ нынче! Надо же самоваръ ставить и соломы надергать.

— Да вѣдь, конечно, надо. А то что-жъ тамъ сдѣлаешь ночью?

Ковалевъ соглашается, что итти за соломой необходимо, но ограничивается приготовлениями къ топкѣ: онъ подставляетъ къ печкѣ стулъ, взлѣзаетъ на него, отворяетъ заслонку и вынимаетъ вьюшки. Въ трубѣ начинаетъ завывать на разные голоса вѣтеръ.

— Впусти хоть собаку-то!—говоритъ Яковъ Петровичъ.

— Какую собаку?—спрашиваетъ Ковалевъ, кряхтя и слѣзая со стула.

— Да что ты дуракомъ-то прикидываешься? Флембо, конечно,—слышишь, визжитъ.

Дѣйствительно, Флембо, старая сука изъ породы се-теровъ, жалобно повизгиваетъ въ сѣнцахъ.

— Надо Бога имѣть!—прибавляетъ Яковъ Петровичъ.—Вѣдь она замерзнетъ... А еще охотникъ! Лодырь ты, братъ, какъ я погляжу! Ужъ правда, байбакъ.

— Да оно и вы-то, должно быть, изъ той же породы,—улыбается Ковалевъ, отворяетъ дверь въ сѣнцы и впускаетъ въ «дѣвичью» Флембо.

— Затворяй, затворяй, пожалуйста!—кричитъ Яковъ Петровичъ.—Такъ и понесло по ногамъ холодомъ... Кушъ тутъ!—грозно обращается онъ къ Флембо, указывая пальцемъ подъ лавку.

Ковалевъ же, прихлопывая дверь, бормочетъ:

— Тамъ несеть—свѣту Божьяго не видно!.. А, должно быть, скоро насъ поташутъ въ Богословское! Вотъ-вотъ о. Василий припожалуетъ за нами. Я ужъ вижу. Все мы ссоримся. Это передъ смертью.

— Ну, ужь это обрекай себя одного, пожалуйста,—возражаетъ Яковъ Петровичъ задумчиво.

И опять выражаетъ свои мысли вслухъ:

— Нѣтъ, я ужь больше не буду сидѣть въ этомъ тырлѣ сторожемъ! Кажется, скоро-скоро затрещитъ эта проклятая Лучезаровка...

Онъ развертываетъ кисеть, насыпаетъ цыгарку махоркой и продолжаетъ:

— Дошло до того, что завяжи глаза да бѣги со двора долой! А все моя довѣрчивость дурацкая, друзья-приятели! Я всю жизнь былъ честенъ, какъ булатъ, я никому ни въ чемъ не отказывалъ... А теперь что прикажете мнѣ дѣлать? На мосту съ чашкой стоять? Пулю въ лобъ пустить? «Жизнь игрока» разыграть? Вонъ у одного Арсентія Михалыча тысячу десятинъ, да развѣ у нихъ есть догадочка помочь старику? А ужь самъ я по чужимъ людямъ не пойду кланяться! Я самолюбивъ, какъ порохъ!..

И, окончательно раздраженный, Яковъ Петровичъ со всѣмъ зломъ прибавляетъ:

— Однако, телиться-то нечего, надо за соломой отправляться!

Ковалевъ еще больше сгорбливается и запускаетъ руки въ рукава тулупа. Ему такъ холодно, что у него стынетъ кончикъ носа, но онъ все еще надѣется, что какъ-нибудь «обойдется»... можетъ быть, Судакъ подѣдетъ... Онъ отлично понимаетъ, что Яковъ Петровичъ ему одному предлагаетъ отправляться за соломой.

— Да вѣдь телиться!..—говоритъ онъ.—Вѣтеръ-то съ ногъ сшибаетъ...

— Ну, барствовать теперь намъ некогда!

— Побарствуешь, когда поясицу не разогнешь. Не молоденькіе тоже! Слава Богу, двумъ-то намъ подъ сто сорокъ будетъ.

— Ужь, пожалуйста, не прикидывайся мерзлымъ бараномъ!

Яковъ Петровичъ тоже отлично понимаетъ, что одинъ Ковалевъ ничего не подѣлаетъ въ занесенномъ снѣгомъ ометѣ. Но онъ споконъ вѣку врагъ всякой логики и тоже надѣется, что «какъ-нибудь обойдется» безъ него.

Между тѣмъ въ «дѣвичьей» становится уже совсѣмъ темно, и Ковалевъ, наконецъ, рѣшается посмотрѣть, не ѣдетъ-ли Судакъ. Шаркая своими разбитыми ногами, онъ идетъ къ двери...

Яковъ Петровичъ неподвижно сидитъ, поджавъ подъ себя одну ногу, пускаетъ черезъ усы дымъ, и такъ какъ ему уже очень хочется чаю, то мысли его принимаютъ нѣсколько иное направленіе.

— Гм!—бормочетъ онъ.—Какъ вамъ это покажется? Хорошо встрѣчаютъ праздничекъ помѣщики! Лопать, какъ собакѣ, хочется. Вѣдь неѣдалаго царства нѣту... Прежде хоть венгерцы ѣздили!.. Ну, погоди же, Судакъ проклятый!

Двери въ сѣнцахъ хлопаютъ, вбѣгаетъ, Ковалевъ.

— Нѣту!—воскликаетъ онъ.—Какъ провалился! Что-жъ теперь дѣлать? Въ сѣнцахъ соломы чуть...

Въ снѣгу, въ тяжеломъ тулупѣ, маленькій и сгорбленный, онъ такъ жалокъ и беспомощенъ!

Яковъ Петровичъ вдругъ подымается.

— А вотъ я знаю, что дѣлать!—говоритъ онъ, осѣненный какой-то хорошей мыслью,—наклоняется и достаётъ изъ-подъ лавки топоръ.

— Эта задача очень просто разрѣшается,—прибавляетъ онъ, опрокидывая стулъ, стоявшій около стола, и взмахиваетъ топоромъ.—Таскай пока солому-то! Чортъ его побери совсѣмъ, мнѣ свое здоровье дороже, чѣмъ какое-нибудь стуло!

Ковалевъ, тоже сразу оживившійся (дѣло знакомое!) съ любопытствомъ смотритъ, какъ летятъ щепки изъ-подъ топора.

— Вѣдь тамъ, небось, еще на потолокѣ много?—подхватываетъ онъ.

— Валяй на чердакъ да самоваръ вытрясай!

Въ растворенную дверь несетъ холодомъ, пахнетъ снѣгомъ... Ковалевъ, спотыкаясь, таскаетъ въ «дѣвичью» солому, ручки старыхъ креселъ съ чердака...

— За милую душу истопимъ,—твердитъ онъ.—Крендели еще есть... Яицъ бы напечь!

— Тащи ихъ на-конъ. А то сидимъ плакучими ивами!..

III.

Медленно протекаетъ зимній вечеръ въ Лучезаровкѣ. Не смолкая бушуетъ метель за окнами...

Но теперь старики уже не прислушиваются къ ея шуму. Запасшись дровами, они поставили въ сѣнцахъ самоваръ, затопили въ кабинетѣ печку и оба сѣли около нея на корточки.

Славно охватываетъ тѣло тепломъ! Иногда, когда Ковалевъ запикивалъ въ печку большую охапку холодной соломы, кругомъ воцарялся мракъ, и глаза Флембо, которая тоже пришла погрѣться къ двери кабинета, какъ два изумрудные камня, сверкали въ темнотѣ. А въ печкѣ глухо гудѣло; просвѣчивая то тутъ, то тамъ сквозь солому и бросая на потолокъ кабинета мутно-красныя, дрожащія полосы свѣта, медленно разрасталось и приближалось гуляющее пламя къ устью, прыскали, съ трескомъ лопаясь, хлѣбныя зерна... Мало-по-малу озарялась вся комната. Пламя совсѣмъ завладѣвало соломой. и когда отъ нея оставалась только дрожащая груда «жара», словно раскаленныхъ, золотисто-огненныхъ проволокъ, когда эта груда опала, блекля, Яковъ Петровичъ скидывалъ съ себя пальто, садился задомъ къ печкѣ и поднималъ на спинѣ рубаху.

— Аа, аа,—говорилъ онъ.—Словно спину-то нажать! Гервасій Тимофеевичъ, дери!

Ковалевъ принимался чесать ему спину.

— Аа, аа!—повторялъ Яковъ Петровичъ и, когда его толстая спина становилась багровою, отскакивалъ отъ печки и накидывалъ тулупъ.

— Вотъ такъ пробрало! А то вѣдь бѣда безъ бани... Ну, да ужъ нынѣшній годъ обязательно поставлю!

Это «обязательно» Ковалевъ слышитъ каждый годъ, но каждый годъ съ восторгомъ принимаетъ мысль о банѣ.

— Добро милое! Бѣда безъ бани,—соглашается онъ, нагрѣвая у печки и свою худощавую спину.

Когда дрова и солома прогорѣли, Ковалевъ долго и заботливо поджаривалъ въ печкѣ крендели, отклоняя отъ жара пылающее лицо. Въ темнотѣ, озаренный красноватымъ жерломъ печки, онъ казался бронзовымъ изваяніемъ, а Яковъ Петровичъ хлопоталъ около самовара.

Наконецъ, онъ налилъ себѣ въ кружку чаю, поставилъ ее около себя на лежанкѣ, закурилъ и, немного помолчавъ, вдругъ спросилъ:

— А что-то теперь подѣлываетъ премилая сова?

Какая сова? Ковалевъ хорошо знаетъ, какая сова! Можетъ быть, уже лѣтъ 25 тому назадъ онъ подстрѣлилъ сову и гдѣ-то на ночлегѣ сказалъ эту фразу, но фраза эта почему-то не забылась и, какъ десятки другихъ, повторяется Яковомъ Петровичемъ и Ковалевымъ. Сама по себѣ она, конечно, не имѣетъ смысла, но отъ долгаго употребленія стала смѣшной и, какъ другія подобныя, влечетъ за собой много воспоминаній.

Очевидно, Яковъ Петровичъ совсѣмъ повеселѣлъ и приступаетъ къ мирнымъ разговорамъ о быломъ. И Ковалевъ стоитъ съ веселой, задумчивой улыбкой, наливая себѣ чаю.

— А помните, Яковъ Петровичъ?—начинаетъ онъ...

Медленно протекаетъ зимній вечеръ въ Лучезаровкѣ, но тепло и свѣтло въ маленькомъ кабинетѣ. Все въ немъ такъ просто, незатѣйливо, по старинному: желтенькіе обои на стѣнахъ, украшенныхъ выцвѣтшими фотографіями, вы-

шитыми шерстью картинами (собака, швейцарскій видъ), низкій потолокъ обклеенъ «Сыномъ Отечества»; передъ окномъ дубовый письменный столъ и старое, высокое и глубокое кресло; у одной стѣны большая кровать краснаго дерева съ ящиками, надъ кроватью рогъ для гончихъ, ружье, пороховница; въ углу образчикъ съ темными иконами... И все это родное, давно-давно знакомое!

Старики сыты и согрѣлись. Яковъ Петровичъ сидитъ въ валенкахъ и въ одномъ бѣльѣ. Ковалевъ—въ валенкахъ и поддевочкѣ... Долго играли въ шашки, долго занимались своимъ любимымъ дѣломъ, осматривали одежду—нельзя-ли какъ-нибудь вывернуть?—искроили на шапку старую «тужурку»; долго стояли у стола, мѣрили, чертили мѣломъ.

Настроение у Якова Петровича давно уже самое благодушное. Только въ глубинѣ души шевелится какое-то грустное чувство. Завтра праздникъ, онъ одинъ... Спасибо Ковалеву, что хоть онъ не забылъ!

— Ну,—говоритъ Яковъ Петровичъ,—возьми-ка эту шапку себѣ.

— А вы-то какъ-же?—спрашиваетъ Ковалевъ.

— У меня есть.

— Да вѣдь она вязаная?

— Такъ что-жъ?—Безподобная шапка!

— Ну, покорнѣйше благодаримъ.

У Якова Петровича страсть дѣлать подарки. Да и не хочется ему шить...

— Который-то теперь часъ?—размышляетъ онъ вслухъ.

— Теперь?—спрашиваетъ Ковалевъ.—Теперь десять. Вѣрно, какъ въ аптекѣ. Я ужъ знаю.

— Скука безъ часовъ,—перебываетъ Яковъ Петровичъ, зная, что сейчасъ Ковалевъ начнетъ лгать, какъ онъ по двое золотыхъ часовъ нашивалъ, когда былъ казачкомъ у своего барина и жилъ съ нимъ въ Петербургѣ. Но Ковалевъ оживился, и его уже трудно перебить.

— Бывало, въ Петербургѣ,—говоритъ онъ...

— Да и брешешь же ты, братъ!—замѣчаетъ Яковъ Петровичъ ласково.

— Да нѣтъ, вы позвольте, не фрапируйте сразу-то! Яковъ Петровичъ разсѣянно улыбается. У него свои думы.

— То-то должно быть, въ городѣ-то теперь!—говоритъ онъ, усаживаясь на лежанку съ гитарой.—Оживленіе, блескъ, суета! Начнутся собранія, маскарады!

И уже дружно начинаются воспоминанія о клубахъ, о томъ, сколько когда выигралъ и проигралъ Яковъ Петровичъ, какъ иногда Ковалевъ во-время уговаривалъ его уѣхать изъ клуба. Идетъ оживленный разговоръ о прежнемъ благосостояніи Якова Петровича. Онъ говоритъ:

— Да, я много надѣлалъ ошибокъ въ своей жизни. Мнѣ не на кого пенять. А судить меня будетъ, ужъ видно, Богъ, а не Глафира Яковлевна и не зятекъ миленькій. Что-жъ, я бы рубашку имъ отдалъ, да у меня и рубашекъ-то нѣту... Вотъ я ни на кого никогда не имѣлъ злобы больше десяти минутъ... Ну, да все прошло, пролетѣло... Сколько было родныхъ и знакомыхъ, сколько друзей-приятелей—и все это въ могилѣ!

Лицо Якова Петровича задумчиво и кротко. Онъ тихо играетъ на гитарѣ и поетъ старинный, грустный романсъ, мягкій и нѣжный, какъ почти всѣ старинныя пѣсни.

Что-жъ ты замолкъ и сидишь одиноко?—

поетъ онъ въ раздумьи.

Что-жъ ты замолкъ и сидишь одиноко?

Дума лежитъ на угрюмомъ челѣ...

Иль ты не видишь бокаль на столѣ?

И повторяетъ съ особенной задушевностью:

Иль ты не видишь бокаль на столѣ?

.....
Долго на свѣтѣ не зналъ я приюту...

разбитымъ голосомъ подтягиваетъ Ковалевъ, скорбившись въ старомъ креслѣ и глядя въ одну точку передъ собою.

Долго на свѣтѣ не зналъ я пріюту...

вторить Яковъ Петровичъ подъ гитару.

Долго носила земля сироту,
Долго имѣлъ я въ душѣ пустоту!..

Вѣтеръ бушуетъ и рветъ съ флигеля крышу. Шумъ у крыльца... Эхъ, еслибы хоть кто-нибудь пріѣхалъ! Да же старый другъ, Софья Павловна, забыла...

И, покачивая головою, Яковъ Петровичъ продолжаетъ:

Разъ въ незабвенную жизни минуту,
Разъ я увидѣлъ создание одно,
Въ коемъ все сердце мое вмѣщено...
Въ коемъ все сердце мое вмѣщено...

Эхъ, давно—давно это было! Все прошло, пролетѣло... Грустныя думы клонять голову... Но печальной удалю звучить пѣсня:

Что-жъ ты замолкъ и сидишь одиноко?
Стукнемъ бокаль о бокаль и запьемъ
Грустную думу веселымъ виномъ!..
Грустную думу веселымъ виномъ!..

— Не пріѣхала-бы барыня,—говоритъ Яковъ Петровичъ, дергая струны гитары и кладя ее на лежанку. И старается не глядѣть на Ковалева.

— Кого!—отзывается Ковалевъ.—Очень просто.

— Избавь Богъ, плутаетъ... Въ рогъ-бы потрубить... на всякій случай... Можетъ быть, Судакъ ѣдетъ. Вѣдь замерзнуть-то недолго. По человѣчеству надо судить...

Черезъ минуту старики стоятъ на крыльцѣ. Вѣтеръ рветъ съ нихъ одежду. Дико и гулко заливается старый рогъ на разные голоса. Вѣтеръ подхватываетъ его звуки

и несутъ въ непроглядную степь, въ темноту бурной ночи.

— Гопъ-гопъ!—кричитъ Яковъ Петровичъ.

— Гопъ-гопъ!—вторитъ Ковалевъ.

И долго потомъ, настроенные на героическій ладъ, не унимаются старики. Только и слышится:

— Понимаешь? Онѣ тысячами съ болота на овсяное поле! Шапки сбиваютъ!.. Да все матерья, кряковья! Какъ ни рѣзну—просто каши наварю!.. А тутъ, смотрю, Аванасій Николаевичъ Вечесловъ спѣшитъ... Батюшки мои—пошла потѣха!

Или:

-- Вотъ, понимаешь, я и сталъ за сосной. А ночь мѣсячная—хоть деньги считай! И вдругъ претъ... Лобище вотъ этакій... Какъ я его брызну!

— А помните,—подхватываетъ Ковалевъ—какъ въ «Гремячемъ Островѣ»?..

Потомъ идутъ случаи замерзанія, неожиданнаго спасенія... Потомъ восхваленіе Лучезаровки.

— До смерти не разстанусь!—говоритъ Яковъ Петровичъ.—Я все-таки тутъ самъ себѣ голова, какъ Адамъ въ раю. Имѣніе, надо правду сказать, золотое дно. Еслибы немножко мнѣ перевернуться! Сейчасъ всѣ 28 десятинъ — картофелемъ, банкъ — долой, и опять я кумъ королю!..

IV.

Всю долгую ночь бушевала въ темныхъ поляхъ вьюга. Старикамъ казалось, что они легли спать очень поздно, но что-то не спится имъ. Ковалевъ глухо кашляетъ, съ головой закрытый тудупомъ; Яковъ Петровичъ ворочается и отдувается; ему жарко. Къ тому же, слишкомъ ужъ грозно буря потрясаетъ стѣны флигеля и слѣпитъ и

засыпаетъ снѣгомъ окна! Слишкомъ неприятно дребезжать разбитыя стекла въ гостиной! Жутко тамъ теперь, въ этой холодной, необитаемой гостиной! Она пустая, мрачная, потому что потолки въ ней низки, амбразуры маленькихъ оконъ глубоки. Ночь же такая темная! Смутно отсвѣчиваютъ свинцовымъ блескомъ стекла. Если даже прильнешь къ нимъ, то развѣ едва-едва различишь забитый, занесенный сугробами садъ... А дальше — полный мракъ и метель, метель...

И старики сквозь сонъ инстинктивно чувствуютъ, какъ одинокъ и беспомощенъ ихъ хуторокъ въ этомъ бушующемъ морѣ степныхъ снѣговъ. Ковалевъ трусливъ, и поэтому ему все представляется, какъ когда-то давно-давно въ этой гостиной на раздвинутомъ банкетномъ столѣ, на снѣ, покрытомъ простыней, лежала полная и важная покойница, сестра Якова Петровича. Сколько тогда нахаловало на дворъ Лучезаровки сосѣдей, сколько толпилось дворни, свободно вздохнувшей по случаю смерти барыни! И все покойники!.. И кажется Ковалеву, что онъ опять стоитъ въ изголовьи усопшей и читаетъ псалтырь. Двери изъ гостиной затворены во всѣ комнаты, тамъ много народу, но все-таки Ковалевъ боится и стоитъ, какъ въ туманѣ. Блики свѣта отъ мерцающихъ свѣчъ, какъ по желтой мѣди, скользятъ по лицу мертвеца. Въ комнатѣ еще синѣетъ дымъ кадила... Дымъ этотъ почему-то все сгущается, потолокъ опускается все ниже и ниже, грудь покойницы подымается... она хочетъ вздохнуть... и не можетъ... что-то давить ей грудь, и Ковалеву давить, и страшно имъ обоимъ... И Ковалевъ вскакиваетъ съ сильно бьющимся сердцемъ.

— Ахъ ты, Господи, Господи! — слышится его бормотанье въ тихомъ кабинетѣ.

Но опять странной дремотой обвѣваетъ его монотонный шумъ метели. Онъ кашляетъ все тише и рѣже, медленно задремываетъ, словно погружается въ какое-то безконечное пространство... Но опять сквозь сонъ чувствуетъ

ся что-то зловѣщее... Онъ слышитъ... Да, шаги! Тяжелые шаги наверху гдѣ-то... По потолку кто-то ходитъ. Ковалевъ быстро приходитъ въ сознаніе, но тяжелые шаги ясно слышны и теперь... Скрипитъ матица...

— Яковъ Петровичъ! — говоритъ онъ. — Яковъ Петровичъ!

— А? Что? — спрашиваетъ Яковъ Петровичъ.

— А вѣдь по потолку-то кто-то ходитъ.

— Кто ходитъ?

— А вы послушайте-ка!

Яковъ Петровичъ слушаетъ: ходитъ!

— Да нѣтъ, это всегда такъ, — вѣтеръ, — говоритъ онъ, наконецъ, зѣвая. — Да и трусь же ты, братъ! Давай-ка лучше спать.

И правда, сколько уже было толковъ про эти шаги на потолкѣ! Каждую непогожую ночь!

Но все-таки Ковалевъ, задремывая, долго шепчетъ съ глубокимъ чувствомъ, втягивая въ себя воздухъ:

— Живой въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога Небеснаго... Не убоишися отъ страха ночнаго, отъ стрѣлы, летящія во дни... На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія...

И Якова Петровича что-то беспокоитъ во снѣ. Подъ шумъ метели мерещится ему то гулъ вѣкового бора, то звонъ отдаленнаго колокола; слышится невнятный лай собакъ гдѣ-то въ степи, крикъ работника Судака... Вотъ шуршатъ подвѣзжающія къ крыльцу сани, скрипятъ чьи-то лапти по мерзлому снѣгу въ снѣгахъ... И сердце Якова Петровича сжимается отъ боли и ожиданія: это дѣйствительно подвѣзжаютъ къ крыльцу его сани, но въ саняхъ — Софья Павловна, Глаша... подвѣзжаютъ медленно, забитыя снѣгомъ, еле видныя въ темнотѣ бурной ночи... ѣдутъ, ѣдутъ, но почему-то мимо дома, все дальше, дальше... Ихъ увлекаетъ метель, засыпаетъ ихъ снѣгомъ, и у Якова Петровича подступаютъ слезы къ горлу, и онъ торопливо ищетъ рога... хочетъ трубить имъ, звать ихъ... И, почти

задохнувшись отъ напряженія, онъ внезапно просыпается.

— Чортъ знаетъ, что такое!—бормочетъ онъ, отдуваясь.

— Что это вы, Яковъ Петровичъ?—откликается Козалевъ.

— Не спится, братъ! А ночь давно, должно быть!

— Да, давненько!

— Зажигай-ка свѣчку-то, да закуривай!

Кабинетъ озаряется. Щурясь отъ свѣчки, пламя которой колеблется передъ заспанными глазами, какъ лучистая, мутно-красная звѣзда, старики сидятъ, курятъ, съ наслажденіемъ чешутся и отдыхаютъ отъ сновидѣній... Хорошо проснуться въ долгую зимнюю ночь въ теплой, родной комнатѣ, покурить, мирно поговорить, разогнать жуткія ощущенія веселымъ огонькомъ!

— А я,—говоритъ Яковъ Петровичъ, сладко зѣвая,— а я сейчасъ вижу во снѣ, какъ ты думаешь, что?.. Вѣдь приснится же!.. Будто я въ гостяхъ у турецкаго султана!..

Козалевъ сидитъ на полу, сгорбившись (какой онъ старенькій безъ поддевички и со сна!), улыбается и въ раздумьи отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, это что—у турецкаго султана! Вотъ я сейчасъ видѣлъ... Вѣрите-ли? Одинъ за однимъ, одинъ за другимъ... съ рожками, въ пиджачкахъ... малъ мала меньше... Да вѣдь какого транташа около меня раздѣлываютъ!

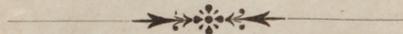
Оба врутъ. Они видѣли эти сны, даже не разъ видѣли, но совсѣмъ не въ эту ночь, и слишкомъ часто рассказываютъ ихъ они другъ другу, такъ что давно другъ другу не вѣрятъ. И все-таки рассказываютъ. И, наговорившись, въ томъ же благодушномъ настроеніи они тушатъ свѣчу, укладываются, одѣваются потеплѣй, надвигаютъ на лобъ шапки и засыпаютъ «сномъ праведника»...

Медленно наступаетъ день, но кажется, что это сумерки. Темно, угрюмо, и буря не унимается. Сугробы подъ окнами почти прилегаютъ къ стекламъ и возвышаются до

самой крыши. Отъ этого въ кабинетѣ стоитъ какой-то странный, блѣдный сумракъ...

Вдругъ съ шумомъ летятъ кирпичи съ крыши. Вѣтеръ повалилъ трубу...

Это плохой знакъ: скоро, скоро, должно быть, и слѣда не останется отъ Лучезаровки!

Изданія Т-ва „Донская Рѣчь“

- 1) **Б. С. Трудъ и Капиталь.**—Первонач. свѣдѣнія по политическ. экономіи 20 к.
- 2) **В. Строевъ**—Московское Государство передъ реформами . . . 20 к.
- 3) **А. А. Кизеветтеръ**—Русское Общество въ XVIII столѣтіи . . . 15 к.
- 4) **А. А. Кизеветтеръ**—Деятельный вѣкъ въ исторіи Россіи . . . 15 к.
- 5) **Феликсъ Гра**—Марсельцы. Повѣсть изъ временъ французской революціи 35 к.

Готовятся къ печати:

- 1) **А. А. Кизеветтеръ**—Кузнецъ-Гражданинъ
 - 2) **В. В. Водозовъ**—Самоуправленіе и земство
 - 3) **И. П. Бѣлоконскій**—Очерки по исторіи культуры
- Цѣна каждой
отъ 15—30 к.

Здѣсь же складъ.

- Ю. Гамбаровъ и М. Ковалевскій**—Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ 30 к.
Райхейсбергъ—Рабочій вопросъ 15 к.

18

Лица, выписывающія на 2 руб. (просятъ деньги присылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

■ Книжные магазины пользуются обычной скидкой; при выписываніи на 25 р. (Европ. Росс.) по желѣзнодорож. пересылка принимается за счетъ издательства.

Главный складъ изданій въ Ростовѣ на Дону при типографіи Т-ва „Донская Рѣчь“

Въ Ростовѣ н-Д.—книжный магазинъ Г. Городецкаго, Б. Садовая.

Въ Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ «Дѣло», Пентелеймоновская, № 13/15.

Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ «Трудъ», Тверская улица.

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ «Образованіе», Решильевская ул.

Въ Вяткѣ—книжный магазинъ губернскаго земства.

Въ Саратовѣ—книжный магазинъ губернскаго земства.

